



Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго ¹⁾.



Въ понятіяхъ адмирала Нахимова, хорошо знавшаго морское дѣло, корабль былъ предметомъ одушевленнымъ, гдѣ всякій зналъ свое мѣсто, начиная отъ капитана до юнги.

Подобнаго идеала въ Черноморскомъ флотѣ можно было достигнуть лишь при продолжительномъ плаваньи и при несмѣняемыхъ командахъ, когда ротные командиры шли въ походъ со своими людьми.

Не то было впоследствии, когда одинъ мичманъ завѣдывалъ четырьмя ротами.

Матросъ зналъ, что съ него хотя и взыскиваютъ, но что за него всегда, въ случаѣ нужды, и заступятся.

Припоминаю, что разъ, проходя мимо подкутившихъ матросовъ, я слышалъ такой разговоръ:

Одинъ изъ ссорившихся говорить: „Я на тебя пожалуюсь Укотичу“.

— „Чортъ ли мнѣ твой Укотичъ! У меня есть свой—Рагуля!“ ²⁾

Припоминаю также, какъ одинъ ротный командиръ Н., нынѣ умершій, долженъ былъ выдать около 7 руб. денегъ „масляныхъ“ командѣ, но деньги тѣ проигралъ въ карты. Ожидался на-дняхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1911 г.

²⁾ Адмиралъ Вукотичъ былъ бригаднымъ командиромъ, очень популярнымъ между матросами. Генераль-маіоръ Рагуля былъ командиромъ рабочихъ экипажей или портовыхъ мастеровыхъ. (Прим. кн. Ухтомскаго).

инспекторскій смотръ. Собравъ людей, Н. объявилъ имъ, что денегъ налицо у него нѣтъ, но что скоро онѣ будутъ, прося нижнихъ чиновъ, чтобы на смотру они говорили, будто бы деньги получили. Такъ и вышло. А вскорѣ деньги были уплачены.

Пароходовъ адмиралъ Нахимовъ не любилъ, говоря, что „тамъ нечѣмъ занимать команду“ и предсказывая, что эти „самовары“ убьютъ морскую службу, а офицеры потеряютъ любовь къ морю и его прелестямъ.

Безъ любви же къ морю, по его мнѣнію, немислимо было любить и морскую службу...

Однажды, во время кампаніи, за адмиральскимъ обѣдомъ, когда Нахимовъ, при мнѣ, говорилъ о взглядахъ и идеалахъ иностранныхъ моряковъ, кто-то изъ присутствующихъ разсказалъ, что великій князь Константинъ Николаевичъ, во время морского путешествія своего, былъ въ гостяхъ, въ Мальтѣ, у англійскаго адмирала Паркера и, между прочимъ, спросилъ адмирала, съ какого дня тотъ считаетъ себя счастливымъ?—„О!“ отвѣчалъ англичанинъ: „Я считаю себя счастливымъ съ того дня, когда мы, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, на шпилѣ флагманскаго корабля, дѣлили призы и мнѣ достался, на мою долю, полный милліонъ фунтовъ стерлинговъ“.— На это Павелъ Степановичъ замѣтилъ: „Что это за счастье, ежели подумать, сколько пришлось сжечь непріятельскихъ транспортовъ, сколько погубить людей, для того, чтобы одному адмиралу получить плату въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ!.. Что же получили подчиненные его?! Помилуйте!.. Это мыслимо только въ разбойничьемъ государствѣ, гдѣ всѣ помѣшаны на богатствѣ и на роскоши... Я полагаю, что это совсѣмъ не прельстило бы русскаго адмирала, напримѣръ, М. П. Лазарева... Вотъ было бы лестно идти драться съ непріателемъ, когда ваши корабли—въ боевой готовности, когда вы увѣрены въ своихъ офицерахъ и командахъ... Да, это я понимаю!.. И когда, послѣ одержанной, славной побѣды, вы можете съ гордостью сказать, что исполнили свой долгъ“...

Къ характеристикѣ Нахимова прибавимъ, что онъ всегда участвовалъ въ экзаменной комиссіи мичмановъ, задавая самъ имъ разные вопросы изъ морской практики, что и заносилось имъ въ его памятную книжку, а въ собраніи флагмановъ и капитановъ принималось въ расчетъ при назначеніи офицеровъ въ предстоящее плаванье.

О морскомъ офицерскомъ собраніи адмиралъ очень заботился, какъ одинъ изъ старшихъ: обѣдъ тамъ бывалъ хорошій, недорогой; азартныя же игры и ночныя засиживанья не допускались.

Нашъ фрегатъ „Коварна“ простоялъ въ Новороссійскѣ болѣе мѣ-

сяца: намъ предстояла трудная работа—поднять затонувшій тендеръ „Струя“¹⁾).

Зима предыдущаго года была очень бурная. У береговъ Кавказа и Новороссійска свирѣпствовала „бора“²⁾ съ морозомъ. Суда, стоявшія на рейдѣ, заковывало толстымъ слоемъ льда. И счастливы были тѣ, кто могъ или уйти въ море, или расклепать якорныя цѣпи и выброситься на берегъ!..

Тендеръ „Струя“ не былъ въ состояніи сдѣлать то или другое и весь обледенѣлый, черезъ нѣсколько сутокъ ужаснаго положенія, затонулъ со всей командою. Надъ поверхностью воды можно было видѣть салингъ³⁾ и клотикъ⁴⁾, какъ-бы могильный крестъ. Конечно, будь на рейдѣ нѣсколько бочекъ и мертвыхъ якорей—такого несчастья не могло бы случиться.

Для подъема тендера пришлось ожидать привода шаландъ⁵⁾ и водолазовъ изъ Севастополя.

Окончивъ эту работу, мы выходили въ море—крейсировать и осматривать берега, ближайшія бухты—нѣтъ ли военныхъ контрабандистовъ, а, увидя гдѣ-нибудь на берегу вытащенную чектырму, разбивали ее ядрами.

Во время этой кампаніи мнѣ часто приходилось бывать за адмиральскимъ столомъ у Нахимова.

Обѣдъ былъ хорошій, вкусный и разнообразный, а вино—неизбѣжная марсала. Разговоры велись служебные. Конечно, говорили только старшіе. Старые лейтенанты вступали въ разговоры и даже иногда спорили съ адмираломъ; а мы, молодые мичмана, молчали и слушали.

Павель Степановичъ былъ англоманомъ, получалъ „Таймсъ“, читалъ постоянно англійскія газеты. Онъ высоко ставилъ англійскій флотъ и хвалилъ англійскихъ моряковъ за то, что они занимаются своимъ дѣломъ, при чемъ ворчалъ на русскихъ моряковъ, которые, выйдя изъ морского корпуса недоучками, забрасываютъ свои учебныя книги и морскою службою совсѣмъ не занимаются, зная все, кромѣ этой службы.

Между современными ему русскими адмиралами Нахимовъ вы-

¹⁾ Подъемъ этого тендера описанъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1849 или 1850 года) лейтенантомъ Макендонскимъ, бывшимъ въ составѣ офицеровъ фрегата „Коварна“ (Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

²⁾ „Бора“—жестокая буря въ Южной Россіи, особенно же на восточномъ побережьи Чернаго моря, сопровождаемая морозомъ.

³⁾ Салингъ—верхняя площадка на мачтѣ.

⁴⁾ Клотикъ—верхній конецъ мачты.

⁵⁾ Шаланда—грузовая баржа.

соко ставилъ (считая его идеаломъ моряка) Мих. Петр. Лазарева, бывшего въ то время главнымъ командиромъ.

Лазаревъ, въ тридцатыхъ годахъ, будучи назначенъ въ Черное море, перевелъ къ себѣ выдающихся офицеровъ—Путятинъ, Вл. Истомина, Нахимовъ, Шестаковъ, Уньковскаго и многихъ другихъ.

Эти офицеры были вполнѣ учениками его, Лазарева. Въ свою очередь, они давали тонъ остальнымъ морякамъ.

Такимъ образомъ и составила та блестящая школа Черноморскихъ моряковъ, тѣ стойкія морскія команды, которыя такъ отличились во время знаменитой обороны Севастополя.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ и во время сближенія нашего съ Англіею, въ послѣднюю послано было нѣсколько молодыхъ людей—для практики въ англійскомъ флотѣ, въ томъ числѣ и М. П. Лазаревъ.

Сохранилось въ памяти людей, какъ Лазаревъ впоследствии геройски отстаивалъ свою самостоятельность, въ качествѣ командира кампанейскаго корабля ¹⁾ у знаменитаго Баранова, въ Сѣверо-Американской кампаніи. Затѣмъ, онъ командовалъ фрегатомъ „Надежда“ и въ продолженіе трехъ лѣтъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе. На этомъ фрегатѣ было нѣсколько гардемариновъ, въ томъ числѣ и Нахимовъ. Рассказывая объ этомъ интересномъ плаваніи, во время нашей кампаніи, Пав. Степ. говорилъ, что это было трудное плаванье; что гардемарины обучались на бизань-мачтѣ, а во время парусныхъ маневровъ ставили и убирали крюсень ²⁾. Тутъ-то, однажды, по жалобѣ на гардемариновъ старшаго офицера, Лазаревъ велѣлъ на вантахъ обрѣзать выблинки и, затѣмъ, послалъ гардемариновъ на марсъ—продолжать ученье. На берегъ гардемарины съезжали только наливать водою ³⁾, дѣлать промѣры или обучаться на гребныхъ судахъ.

Говоря о желѣзномъ характерѣ Лазарева, Нахимовъ привелъ примѣръ, какъ, во время Наваринскаго сраженія, Мих. Петровичъ командовалъ кораблемъ „Азовъ“. Былъ моментъ, когда этотъ корабль подвергался огню двухъ турецкихъ судовъ, а убитыхъ и раненыхъ было столько, что матросы оробѣли, готовые бросить орудія. Тогда Лазаревъ, видя, что слова его не помогаютъ, приказалъ орудіе зарядить картечью, поставить его вдоль борта и бить своихъ: это подѣйствовало—и бой былъ восстановленъ.

¹⁾ Т. е. корабля, принадлежавшаго кампаніи.

²⁾ Крюсень—нижній парусъ на бизань-мачтѣ.

³⁾ Наливаться водою—дѣлать на берегу запасы воды въ плаваніе.

Таковы были образцы для питомцевъ Лазарева! И какъ за то они его чтили!!...

„Біографія М. П. Лазарева была бы весьма поучительна для нашихъ моряковъ, если бы нашлись люди, которые ее разработали бы“, говорилъ Павелъ Степановичъ.

Къ сожалѣнію, за подобный трудъ, кажется, еще никто не брался.

Эти мѣсяцы плаванья подъ флагомъ Нахимова явились временемъ, когда я могъ его видѣть близко.

Къ тому же плаванью относится рассказъ В. И. Заруднаго подъ заглавіемъ „Фрегатъ Бальчикъ“.

Къ сожалѣнію, этой статьи талантливаго рассказчика нѣтъ у меня подъ рукою.

Со времени этого плаванья прошло еще нѣсколько лѣтъ.—Къ Россіи приближалась грозная Крымская кампанія—кампанія, убійственная для Черноморскаго флота. Во время нея мы, моряки, еще болѣе сблизились съ Нахимовымъ, на котораго мы смотрѣли съ особымъ уваженіемъ и любовью. Но уже слава его, какъ выдающагося адмирала, поблекла передъ выдающеюся личностью адмирала Корнилова.

Многіе говорили уже тогда, что Нахимовъ—человѣкъ недалекій, что теперь не то требуется отъ адмирала, что теперь нужны морскіе офицеры, многосторонніе, съ разнообразною практикою; что Нахимовъ не болѣе, какъ хорошій практикъ, боцманъ. Однимъ словомъ, въ морскихъ сферахъ предчувствовался уже всесокрушающій цензъ...

Припоминаю, что послѣ Синопской побѣды, когда Черноморскій флотъ стоялъ на рейдѣ Севастополя подъ флагомъ адмирала Корнилова, я увидѣлъ однажды Нахимова, прогуливающагося на Графской пристани съ зрительной трубкой подъ мышкою. Я поздоровался съ Павломъ Степановичемъ, и онъ самъ завелъ разговоръ о томъ, что, на какомъ суднѣ, по замѣчанію его, дѣлается.

„Вотъ-съ, г. Ухтомскій“,—съ горечью въ голосѣ сказалъ мнѣ Нахимовъ: „Я теперь, какъ курица, которая вывела утятъ, бѣгаетъ по берегу и смотритъ съ берега, какъ они плаваютъ“...

Извѣстно, что послѣ Синопской побѣды Императоръ Николай I щедро награждалъ моряковъ: адмиралъ Нахимовъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени; командиры судовъ были тоже награждены, а всѣ офицеры получили слѣдующіе чины. Недаромъ же Государь сказалъ: „меня удивили Черноморскіе моряки, удивлю и я ихъ“.

По поводу наградъ чинами Нахимовъ выражался, что этого не слѣдовало дѣлать; что такое производство только вызоветъ пута-

ницу по службѣ, ибо морской офицеръ обязательно долженъ пройти всѣ чины согласно положенію, „безъ выскочекъ“, а иначе онъ будетъ лишнимъ балластомъ во флотѣ.

Въ Синопскомъ сраженіи, къ сожалѣнію моему, я не участвовалъ, будучи командированъ въ то время къ берегамъ Кавказа, почему и никакихъ личныхъ подробностей о немъ сообщить не могу.— Знаю только, что Павелъ Степановичъ не любилъ объ этомъ боѣ рассказывать, быть можетъ потому, что заслугу побѣды хотѣли отдать Корнилову, который, спѣша въ Синопъ съ отрядомъ пароходовъ и съ приказомъ принять начальство надъ флотомъ, прибылъ поздно: пароходы наши пришли къ концу сраженія.— Кромѣ того Нахимовъ не любилъ касаться Синопскаго боя, во-первыхъ изъ-за врожденной скромности, а во-вторыхъ, потому что полагалъ, что эта побѣда заставитъ англичанъ употребить всѣ усилія для того, чтобы уничтожить боевой Черноморскій флотъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, благодаря Синопской побѣдѣ, невольно сдѣлается причиною, которая ускоритъ нападеніе союзниковъ на Севастополь.

Между прочимъ, про Синопское сраженіе передавали, что велѣно было кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитый фаликъ ¹⁾ не означалъ еще, что флагъ спущенъ. Главная потеря во время сраженія на судахъ была тогда, когда по диспозиціи „Завози шпринги ²⁾“ не велѣно было стрѣлять и лишь потомъ, когда шпринги были уже вытянуты, начался нашъ убійственный огонь. Во время самага боя, когда пороховой дымъ застилалъ небо, мѣшая и смотрѣть, и говорить, Нахимовъ послалъ сигнальщика—принести стаканъ воды изъ адмиральской каюты. Возвращая стаканъ матросу, Иванъ Степановичъ замѣтилъ ему: „Смотри, не разбей! Это мнѣ подарокъ Михаила Петровича Лазарева“. Потомъ не мало смѣялись надъ матросомъ, когда онъ, желая уберечь стаканъ, такъ крѣпко сжалъ его въ рукахъ, что тотъ раздавился.

Нахимовъ рассказывалъ, что когда уходили изъ Синопа, то было свѣжо, а многіе корабли имѣли большія поврежденія. Между прочимъ, Кутровъ, командиръ корабля „Трехъ Святителей“, дѣлаетъ сигналъ: „Не могу идти!“—Получается адмиральскій отвѣтъ: „вернуться въ Синопъ!“ Ну, и корабль справился, благополучно вернувшись въ Севастополь.

Дѣйствительно, предчувствія Нахимова оправдались: въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1854 года союзники подошли къ берегамъ Крыма и сдѣлали

¹⁾ Фаликъ—снасть, подымающая и опускающая флагъ.

²⁾ „Завозитъ шпринги“ значитъ становится на якорь, чтобы судно не могло отворачиваться по теченію.

высадку около Альмы. Наша армія, послѣ Альминскаго сраженія, должна была отступить къ Симферополю. Противники имѣли надъ нами преимущество и въ оружіи, и въ корабляхъ. Севастополь оказался плохо защищеннымъ. Мы принуждены были затопить на Севастопольскомъ фарватерѣ свои корабли, чтобы загородить входъ непріятельскому флоту; а нашему флоту приказано было корабельныя орудія вытащить на берегъ и устроить кругомъ города береговыя батареи, которымъ окончательное направленіе давалъ Э. И. Тотлебенъ. Благодаря энергіи моряковъ беззащитный городъ въ три недѣли преобразился въ неприступную крѣпость; о нее разбивались удары нашихъ многочисленныхъ враговъ почти въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Во время обороны Севастополя адмиралъ Нахимовъ, будучи назначенъ помощникомъ начальника Севастопольскаго гарнизона генерала Остенъ-Сакена, а вскорѣ и командиромъ Севастопольскаго порта, бывалъ повсюду.

Какъ адъютантъ штаба, припоминаю, что переписки онъ терпѣть не могъ, а запросовъ министерства просто боялся.

Въ это время Павла Степановича можно было назвать душою обороны: онъ постоянно объѣзжалъ бастіоны, справлялся кому что надо—кому снаряды, кому матеріалы на блиндажи, кому артиллерійскую прислугу и проч. Нужно было постоянно торопиться, чтобы за ночь исправить то, что разрушалъ днемъ непріятель. Онъ настоялъ на томъ, чтобы матросамъ, находящимся на береговыхъ батареяхъ, производилась морская провизія, а впоследствии ее выдавали и солдатамъ, поставленнымъ къ нашимъ орудіямъ взамѣнъ все убывавшихъ матросовъ. Квартира адмирала преобразилась въ лазаретъ для раненыхъ морскихъ офицеровъ; личные же деньги его шли на помощь отъѣзжающимъ семействамъ моряковъ. И, бывало, для каждаго бастіона большимъ удовольствіемъ—видѣть у себя адмирала. Служащіе на батареяхъ, при его посѣщеніяхъ, показывали ему „фарватеръ“, т. е. тѣ тропинки, по которымъ меньше падали непріятельскія бомбы.

Началась безконечная осада, гдѣ мы не видѣли тѣни надежды на успѣхъ, гдѣ моряки и армейцы не понимали другъ друга, такъ какъ всѣ распоряженія шли вразрѣзъ одно другому. Но ни у кого изъ моряковъ не было и тѣни мыслей о сдачѣ. Мы страдали только тѣмъ, что не видѣли конца мукамъ, не видѣли арміи, способной помочь намъ.

Правда, изъ нашего экипажа бѣжали матросы, но поляки—всѣ до одного. Изъ армейскихъ генераловъ Нахимовъ признавалъ одного лишь Хрулева.

Припоминаю, между прочимъ, 6-е іюня, когда генераломъ Хрулевымъ былъ блистательно отбитъ штурмъ на Малаховъ курганъ и на батарею Жерве ¹⁾.

Повидимому, англичане тутъ опоздали и войска ихъ двинулись минутами двадцатью позже тѣхъ, которыя штурмовали 3-й бастіонъ. Непрiятель густою цѣпью, въ нѣсколько рядовъ, показался изъ-за Зеленой горы и изъ-за кладбища.—Покуда они не спустились въ балку Южной бухты—до тѣхъ поръ батареи ихъ дѣйствовали ядрами по 4-му бастіону. Англичане, выйдя изъ балки, бросились въ гору на штурмъ Грибка; но тамъ уже успѣли приготовиться, орудія были заряжены картечью, два полка 10-й пѣх. дивизіи (каждый около 500 человекъ) и половина артиллерійской прислуги (человекъ до 200) были разставлены по банкету.

Англичане, встрѣченные убійственнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, поворотили вправо, на Пересыпку ²⁾; но и здѣсь, встрѣченные картечью во флангъ съ батареями Перекопскаго и Стаала, они рассыпались за дома Южной бухты и за кладбище, откуда поодиночкѣ перебѣгали назадъ. Тѣмъ и кончился штурмъ.

Чтобы имѣть понятіе о силѣ нашего огня, нужно замѣтить, что одна батарея Ильина (или „Грибокъ“) изъ 13-ти орудій сдѣлала 860 картечныхъ выстрѣловъ, кромѣ того выпустила по 30 гранатъ и по 25 ядеръ на каждое орудіе; солдаты разстрѣляли всѣ патроны. Всѣ эти снаряды потрачены менѣе, чѣмъ въ три часа.

На другой день послѣ этого штурма, передъ нашей линіей были видны цѣлые ряды убитыхъ и раненыхъ. Чуть ли не на два дня состоялось перемиріе по случаю уборки тѣлъ.

Во время уборки тѣлъ 8-го числа насчитали до 200 непріятельскихъ труповъ и многіе тяжело-раненые лежали въ домахъ Слободки, куда эти два дня имъ носили пищу. Вѣроятно, англичане воспользовались этимъ временемъ и успѣли забрать много убитыхъ и раненыхъ. Всю потерю ихъ нужно предполагать около 600 человекъ. Потеря же наша въ этотъ день на означенной батарее была до 150 человек., въ томъ числѣ 50 человек. матросовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отбитія нами штурма, мы начали жечь дома Южной бухты, которые до тѣхъ поръ были совершенно цѣлы и могли служить непріятелю на случай новаго штурма.

¹⁾ 1855 года.

²⁾ Только одинъ солдатъ добѣжалъ до батарей. Когда его взяли въ плѣнъ, то увидѣли, что онъ былъ совершенно пьянъ. То же самое замѣтили и между плѣнными, взятыми съ 3-го бастіона, что заставляетъ думать, что союзники, готовясь къ штурму, были напоены для храбрости. (Примѣчаніе князя Ухтомскаго).

Пламя этого пожара было такъ сильно, что первыя двѣ ночи нельзя было работать на ближайшихъ батареяхъ. Впослѣдствіи огонь уменьшился и уже горѣло только по 5 или по 6 домовъ. Съ іюля же начались постоянные пожары въ городѣ отъ огромныхъ непріятельскихъ брансугелей.

Во время упоминаемаго штурма былъ моментъ, когда на Малаховъ курганъ, гдѣ находился Нахимовъ, ворвались французы и ихъ нужно было выбивать штыками. Въ общей свалкѣ нельзя было найти ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Солдаты, кажется, Сѣвскаго пѣхотнаго полка толпятся, безъ команды не идутъ впередъ. Тогда адмиралъ Нахимовъ приказалъ своимъ адъютантамъ—Фельдгаузену и Колтовскому повести полкъ въ штыки.

Но смерть караулила уже Нахимова, и ему суждено было сложить свою голову тамъ, гдѣ пали Корниловъ, Истоминъ и многіе другіе моряки.

Кажется, это было въ концѣ іюля—въ тотъ періодъ обороны, когда непріятель особенно обратилъ свои удары на Малаховъ Курганъ. Адмиралъ поѣхалъ туда, взошелъ на брустверь для того, чтобы лучше высмотрѣть, откуда сильнѣе бьетъ французъ, гдѣ надо прибавить орудіе, гдѣ усилить стрѣлковъ, ибо французы траншеями уже подошли къ нашему рву. Несмотря на предостереженіе начальника бастіона, Павелъ Степановичъ смотрѣлъ въ зрительную трубу—и этотъ блестящій предметъ былъ замѣтной мишенью: непріятельская пуля попала адмиралу въ високъ, остановившись въ задней части черепа. Онъ упалъ къ общему нашему ужасу и огорченію ¹⁾. Его перенесли на Сѣверную сторону, положили въ лазаретъ, гдѣ два дня онъ пролежалъ, не приходя въ сознаніе, и тихо скончался.

Хоронили Нахимова въ Михайловской церкви торжественно, на сколько позволяли боевыя обстоятельства. Гробъ его покрытъ былъ прострѣленнымъ кормовымъ флагомъ съ корабля „Императрица Марія“, на которомъ адмиралъ находился въ Синопскомъ сраженіи.

Такъ умеръ герой флота. Вѣчная ему память!

Послѣ его смерти защитники Севастополя еще болѣе осиротѣли. Хотя въ тылу у насъ, на Сѣверной сторонѣ и на Инкерманскихъ высотахъ, стояла чуть ли не стотысячная армія, но отъ нея мы не ждали спасенія—послѣ неудачныхъ сраженій—Инкерманскаго и на Черной Рѣчкѣ. Пришлось утѣшаться тѣмъ, что нѣтъ неприступныхъ крѣпостей. При такомъ убѣжденіи все же продолжалась

¹⁾ Это случилось 28 іюля („Описаніе обороны Севастополя“ Тотлебена).

отчаянная оборона, хотя непріятельскіе стрѣлки уже поражали насъ изъ самага рва Малахова кургана.

— „Что, Наздрачевъ, сильно васъ бьютъ?“—спросилъ я урядника нашей команды, пришедшаго съ бастіона.

— „Сильно, ваше благородіе“—отвѣчалъ онъ. „И того нѣтъ, и того нѣтъ... А все еще держимся... Ну, а какъ нашихъ вырубить по колѣно—тогда уже и куда дѣваться!? Всѣ пропадемъ“.

А вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ того времени обороны Севастополя, когда живъ еще былъ Нахимовъ.

Павелъ Степановичъ обходилъ больныхъ въ госпиталѣ. Одному матросу въ это время отнимали ногу.

— „Ваше превосходительство!“—проговорилъ онъ.

— „Чего тебѣ нужно?“—спрашиваетъ адмиралъ.

— „А вѣдь это они намъ за Синопъ оплачиваютъ?“

— „Правда, за Синопъ“.

— „Ну, ужъ и задалъ же я имъ Синопъ!“—отвѣтилъ матросъ, сжимая кулакъ.

— „Ваше превосходительство!“—кричалъ другой, весь обожженный,—Нахимову: „вы меня не узнали?“

— „Да тебя трудно, братецъ, узнать! у тебя все лицо сорвано“.

— „Я форъ-марсовой съ „Двѣнадцати апостоловъ“. Явите милость, позвольте опять на батарею!“

— „Да какъ же тебѣ идти въ такомъ видѣ?“

— „Нѣтъ, ужъ позвольте! А не то въ халатѣ уйду!“

Уважилъ его просьбу, bravому матросу сдѣлали маску на лицо—и онъ отправился на позицію.

Одного матроса рабочаго экипажа ранили въ лицо. Когда его привели въ госпиталь, то жена его уговаривала его не ходить больше на батарею.

— „Молчи, баба! Не твое дѣло!“—отвѣтилъ тотъ.

Но жена все продолжала его уговаривать.

— „Ну, ежели ты еще будешь надоѣдать“—сказалъ онъ, разсердившись: „то я и тебя возьму съ собою“.

И онъ сталъ торопиться къ своему орудію.

Одинъ бодманъ, находясь комендоромъ у орудія на батарее, стрѣлялъ цѣлый день, чтобы сбить непріятельское орудіе. Къ вечеру ему оторвало ногу. Когда его несли на перевязочный пунктъ, то онъ обратился къ оставшимся товарищамъ со слѣдующими словами:

— „А вы скажите Сенькѣ, чтобы онъ непременно сбилъ орудіе; а не то я приду и накладу ему!“

Одинъ матросъ носилъ снаряды къ орудію. Когда онъ несъ сна-

рядъ, то его дорогой сильно ранило. Онъ не бросилъ кокорь, а добѣжалъ до орудія, отдалъ снарядъ, и только тогда закричалъ своимъ голосомъ:

„Носилкѣ мнѣ, носилки!“¹⁾ Таковъ былъ духъ черноморскихъ моряковъ. Его умѣли внушить имъ ученики Лазарева.

Чуть ли не въ самый день похоронъ Павла Степановича Нахимова, мы, моряки, собрались и рѣшили отправить къ Великому Князю Константину Николаевичу саблю Османа-Паши, взятую съ боя въ Синопѣ, которую адмиралъ всегда носилъ на перевязи во время обороны Севастополя.

Прибавимъ къ сказанному мелочь. Въ день раненія Нахимова, за его обѣденнымъ столомъ, замѣтили на скатерти крестъ, сдѣланный горчицею. Кто сдѣлалъ его—не узнали, но сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Вотъ, на стѣнѣ моего кабинета,—пока пишу—виситъ портретъ адмирала Нахимова: строгое и суровое выраженіе лица. Но у Павла Степановича смѣхъ былъ добродушный и вообще, вмѣстѣ со строгостью, въ немъ было много добродушія.

Я тутъ могъ бы закончить передачу того, что имѣется у князя Ухтомскаго на обрывкахъ бумаги о Нахимовѣ. Но мнѣ жаль обойти молчаніемъ и другія его замѣтки о Севастополѣ, крымской кампаніи, сохранившіяся на такихъ же клочкахъ²⁾.

Я ихъ приведу, хотя, быть можетъ, и не въ той системѣ, какую намѣтилъ авторъ, потому, что эти замѣтки не помѣчены въ порядкѣ изложенія.

а) „Севастополь. 5 сентября. Солдаты превращены въ машины знали только одинъ фронтъ. Когда союзники высадились на Альмѣ, то корпусный командиръ Киріяковъ кричалъ, что „мы ихъ шапками закидаемъ!“ На дѣлѣ вышло иное.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть слѣдующую краткую замѣтку кн. А. С. Меншикова, въ его дневникѣ, незадолго до высадки непріятели въ Крыму, послѣ небольшихъ маневровъ въ окрестностяхъ Севастополя 29 августа:

„Увы! Какіе генералы и какіе штабъ-офицеры! Ни малѣйшаго понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстности“

¹⁾ Послѣдніе пять рассказовъ были сообщены К. Л. Игнатьеву кн. Ухтомскимъ и были напечатаны Игнатьевымъ въ одномъ изъ журналовъ, вскорѣ послѣ осады Севастополя въ статьѣ подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ осадѣ Севастополя“.

²⁾ Набросанныя рукой кн. Ухтомскаго, я полагаю, что эти замѣтки—трудъ самого князя, а не позаимствованіе.

сти, объ употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ!“

Сохранился дневникъ Меншикова 1824 г., когда онъ посѣтилъ Николаевъ и Севастополь, гдѣ объѣзжалъ верхомъ окрестности и не разъ посѣщалъ мѣстности, игравшія такую роль въ его жизни тридцать лѣтъ спустя“.

б) „Кн. Меншиковъ оставался во главѣ арміи въ февралѣ и онъ былъ главнымъ двигателемъ обороны Севастополя. Съ его уходомъ новый главнокомандующій, кн. Горчаковъ, старикъ, выжившій изъ ума, чуждый флота, только чиновникъ ¹⁾, вступивъ въ управленіе арміей и видя большую потерю людей въ Севастополѣ, задался цѣлью, на свой страхъ, бросить Севастополь.“

Отсюда—трагизмъ осажденныхъ! Горчаковъ не могъ понять подвижничествомъ севастопольцевъ. Такое отношеніе къ защитѣ главнаго порта Чернаго моря выказалось во всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Въ Петербургѣ на это дѣло смотрѣли иначе, да и Нахимовъ, на военномъ совѣтѣ, настойчиво высказывался за необходимость вести оборону, пока не перебьютъ всѣхъ моряковъ.

Со вступленіемъ въ управленіе Горчакова началось медленное подготовленіе мѣръ къ тому, чтобы бросить Севастополь: устроенъ былъ плавучій мостъ и многое другое.—Задерживали отправлять на оборонительныя работы солдатъ и т. д. Все исходило отъ начальника штаба Коцебу, и между моряками прямо обвиняли послѣдняго въ равнодушіи къ дѣлу и чуть ли не въ измѣнѣ.

В. И. Истоминъ, бывало, очень горячился на Малаховомъ курганѣ, когда ему не давали нужныхъ средствъ, и говорилъ, что если человѣка вырветъ на чистый листъ бумаги, то это и будетъ севастопольская оборона“.

в) „Въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, говорятъ, непріятелю извѣстенъ былъ весь планъ предстоящаго сраженія, и французскій генераль, выводя людей на позицію и смотря на часы, сказалъ солдатамъ: „Вы еще имѣете время пить кофе, пока русскіе и т. д.““.

г) „Генераль-адъютантъ Вревскій, прибывшій отъ Государя къ крымской арміи, доносилъ Государю, что въ Севастополѣ, безъ уси-

¹⁾ Совсѣмъ иначе на личность кн. М. Д. Горчакова смотритъ, въ своемъ „Описаніи обороны г. Севастополя“ гр. Тотлебенъ. Вотъ, что говоритъ онъ, на примѣръ, по поводу посѣщенія княземъ 8 августа 1855 г. укрѣпленій: „Появленіе любимаго, благороднаго вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска и удвоило ихъ готовность стоять и драться до послѣдней капли крови“.—Хотя и Тотлебенъ не скрываетъ нерѣзультатности престарѣлаго главнокомандующаго, переимчивости его взглядовъ и т. п.

леннаго бомбардированія, выбываетъ изъ строя 250 человекъ ежедневно, кромѣ потери 7 начальниковъ, что снабженіе войскъ и обороны сопряжено съ большими трудностями. Въ виду чего онъ предлагалъ кн. Горчакову, съ прибытіемъ подкрѣпленій, предпринять что-либо рѣшительное противъ праваго крыла союзниковъ. Кн. Горчаковъ, хотя и увѣренъ былъ въ невозможности такого успѣха, но не имѣлъ характера отказаться отъ предполагаемаго сраженія. На военномъ совѣтѣ главнокомандующаго всѣ генералы высказались за атаку непріятельской позиціи на Черной рѣчкѣ. Противъ этого были генералы Ушаковъ, Остенъ-Сакенъ и Хрулевъ. Если же непременно желаютъ перейти въ наступленіе, то они стояли на томъ, чтобы сдѣлать атаку съ Корабельной слободки, противъ непріятельскихъ батарей на Зеленой горѣ и на Киленбалкѣ. Ген. Тотлебенъ, въ то время раненый, проживалъ на Сѣверной сторонѣ, и, спрошенный о предполагаемомъ наступленіи, находилъ полную невозможность дѣлать нападеніе съ Черной рѣчки и говорилъ, что ежели хотятъ наступать, то можно только съ Корабельной слободки, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ предварительныя распоряженія велись тайно, маскируя это нападеніе рекогносцировкой со стороны Чоргуна.

Кн. Горчаковъ, разставаясь съ Тотлебеномъ, на томъ и порѣшилъ, но, возвратясь въ главную квартиру, попалъ подъ вліяніе бар. Вревскаго, Коцебу, Бутурлина и др., и нападеніе съ Черной рѣчки было рѣшено.

Начали сосредоточивать войска на Мекензеевой горѣ и на Бельбекѣ.

Въ исходныхъ числахъ іюля предполагаемое нападеніе было заранее извѣстно не только у насъ, но и у непріятели. Перебѣжчики сообщали намъ, что съ Черной рѣчки ждутъ непріятели.

Между тѣмъ, кн. Горчаковъ, донося Государю о намѣреніи нападенія, съ каждымъ днемъ убѣждался болѣе и болѣе въ невозможности успѣха.

Такова была распорядительность человека, лишеннаго всякихъ военныхъ дарованій!...

Въ роковой день сраженія 4 августа ¹⁾ у насъ вышло изъ строя 10 тыс. человекъ; командующій наступленіемъ ген. Раабъ былъ убитъ въ началѣ сраженія; начальство принялъ самъ Горчаковъ. И какихъ распоряженій не дѣлалось! Одни войска шли на бойню, остальные были зрителями. Распоряженія начальника штаба Коцебу были такъ непрактичны, что перевязочные пункты находились за нѣсколько верстъ отъ мѣста сраженія, въ деревнѣ Шули,

¹⁾ 1855 года.

такъ что многіе тяжело ранены скончались на полѣ сраженія, остальные забраны въ плѣнъ.

Наши ружья не только были близкаго боя, но при переправѣ черезъ Черную рѣчку наводимые мосты оказались коротки, люди проваливались въ воду, подмочивъ патроны. Въ числѣ убитыхъ былъ и генераль Вревскій.

Съ разсвѣтомъ, 5 августа, загремѣли 800 непріятельскихъ орудій¹⁾; перерывъ намъ давался на нѣсколько часовъ—и тогда исправляли поврежденія. Штуцерныя пули поражали тоже многихъ и отъ навѣснаго огня мортиръ въ городѣ не было ни одного безопаснаго мѣста.

Кн. Горчаковъ доносилъ Государю, что, несмотря на усиленную бомбардировку, Севастополь можетъ держаться пока плавучій мостъ на Сѣверную сторону, черезъ Большую бухту, будетъ готовъ къ 15 августа, и что тогда придется очистить южную часть города.

Нахимовъ былъ противъ устройства такого моста, какъ знака выраженія отступленія, говоря, что волненіе съ моря его разрушитъ. Многіе моряки были того же мнѣнія. Однако, мостъ принялись строить.—15 августа онъ былъ открытъ для движенія. Ширина рейда въ томъ мѣстѣ около 450 саж.

25 августа особенно усилилась бомбардировка. Весь городъ былъ въ дыму, который не расчищался въ послѣдующіе три дня; солнце было едва видно. Несмотря на такую оглушительную трескотню, всѣ поврежденія исправлялись. Кромѣ прямой и навѣсной пальбы было брошено на Малаховъ курганъ нѣсколько бочекъ съ порохомъ.

25 августа одна изъ бомбъ попала въ транспортъ „Березань“ и онъ сгорѣлъ, а ночью, подъ огнемъ, все мелькали бѣлыя птицы, вѣроятно чайки²⁾.

Того же числа, въ 10 ч. ночи³⁾, когда подошли два нагруженные 200 пудами пороха баркаса, то въ одинъ изъ нихъ попала ракета: весь порохъ взорвало; вся Графская пристань была разрушена; было, при этомъ, много убитыхъ и раненыхъ.

¹⁾ По укрѣпленіямъ Корабельной стороны и по лѣвому фасу 4-го бастиона.

²⁾ „Березань“ погибъ не 25, а 24 августа. (См. „Отчеты обороны г. Севастополя“ Тотлебена). *А. Жиркевичъ.*

³⁾ Графская пристань была разрушена упоминаемымъ взрывомъ вечеромъ 26 августа. Въ тотъ же день, непріятельскія бомбы зажгли стоявшій на рейдѣ, у Сѣверной стороны, фрегатъ „Коварна“, на которомъ плавать когда-то кн. Ухтомскій, и фрегатъ сгорѣлъ.

А. Жиркевичъ.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней убыль гарнизона была до 8 тысячъ.

27 августа, съ разсвѣтомъ,—усиленная бомбардировка, особенно по Малахову кургану.

Несомнѣнно, что потерянное нами на Черной рѣчкѣ сраженіе ободрило непріятеля—сдѣлать окончательный ударъ Севастополю.

Около полдня люди на Малаховомъ курганѣ обѣдали. Вдругъ крикнули: „французы!“

Закончивъ пальбу нѣсколькими картечными залпами, французы въ 10 тыс. человекъ пошли на штурмъ Малахова кургана, гдѣ было до 2 тыс., преимущественно рекруты.

Во второй линіи, за горжею, было еще въ общемъ—2.400 человекъ.

Черезъ $\frac{1}{2}$ часа французы овладѣли Корниловскимъ бастіономъ и подняли французское знамя.

По всей линіи штурмы были отбиты и только былъ занятъ Малаховъ курганъ.

Кн. Горчаковъ пребывалъ въ дѣлѣ лично и, видя невозможность отбить Малаховъ курганъ, приказалъ очистить городъ. Согласно резолюціи главнокомандующаго отступленіе началось въ 7 часовъ вечера.

Для поддержанія на линіи пальбы, имѣвшей цѣлью—скрыть по возможности отступленіе, были оставлены на батареяхъ охотники, морякамъ поручено было заклепывать орудія, разрушать станки и взрывать пороховые погреба. Отправленіе раненыхъ, больныхъ—нашихъ и непріятельскихъ съ Графской пристани производилось подъ наблюденіемъ кн. Васильчикова, а съ Корабельной стороны—вице-адмираломъ Панфиловымъ. Перевозочными средствами завѣдывалъ капитанъ 2 ранга Воеводскій.

Подъ тяжестью перевозимыхъ орудій, повозокъ и при свѣжемъ морскомъ вѣтрѣ мостъ много погрузился въ воду, но моряки и саперы постоянно подводили подъ него смоляныя бочки.

Затѣмъ послѣдовало сожженіе города. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ капитанъ Воробьевъ, состоявшій при князѣ Васильчиковѣ. Стоящій въ одномъ изъ доковъ пароходъ „Первазь-Бахри“ (Корнилова) былъ сожженъ лейтенантомъ Афанасьевымъ, завѣдующимъ переправкою обозовъ и войскъ по мосту черезъ Южную бухту.

Одновременно съ переправою войскъ затоплены были всѣ оставшіеся корабли военные и транспорты 28 утромъ взорваны были.

Командами охотниковъ были произведены взрывы береговыхъ батарей и Александровская береговая батарея,—29-го береговья батареи Павловская и Николаевская, а въ ночь съ 30 на 31 затоплены были всѣ пароходы.

30 августа союзники заняли городъ, но такъ какъ онъ представлялъ однѣ развалины, то гарнизоны возвратились въ свои лагери.

Такъ оправдались слова Нахимова, что „оставимъ въ Севастополь только трупы и развалины“.

Потери съ обѣихъ сторонъ были громадны“.

д) „Мудрыя распоряженія главнаго штаба крымской арміи облегчили союзниковъ: взяты были Волынской, Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Въ ожиданіи ихъ штурма, отозванъ былъ командующій войсками Корабельной слободы ген. Хрулевъ и вмѣсто него назначенъ былъ ген. Жабокритскій, по замѣчанію кн. Васильчикова въ его запискахъ, заядлый полякъ, не сочувствовавшій войнѣ съ французами. По представленію этого генерала, 22 мая, гарнизоны означенныхъ редутовъ были ослаблены до послѣдней крайности. Вслѣдствіе такого распоряженія главнаго штаба эти редуты были отданы на жертву непріятелю, а также и вся южная часть обороны поставлена была въ беззащитное положеніе.

Когда съ наблюдательныхъ постовъ, 26 мая, замѣчена была готовность непріятеля штурмовать означенныя укрѣпленія, то, вмѣсто того, чтобы послать имъ помощь, Жабокритскій подалъ рапортъ о своей болѣзни и уѣхалъ на Сѣверную сторону.

Назначенный снова начальникомъ войскъ Корабельной слободки ген. Хрулевъ, хотя и принялъ всѣ мѣры къ защитѣ этихъ укрѣпленій, но резервы пришли очень поздно и дѣло было проиграно.

Адмиралъ Нахимовъ лично вмѣшался въ дѣло и едва не попалъ въ плѣнъ.

Самый Малаховъ курганъ былъ почти безъ войска и находился въ беззащитномъ положеніи, и потому его всегда могли взять французы, если бы ихъ начальство распорядилось атакою.

Такъ мы несли наши потери по нераспорядительности штаба.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Опечатки: Въ сентябрьской кн. „Рус. Ст.“ за 1911 г. на 412 стр. 7 строка снизу напечатано:—„Съ убитыми—нѣтъ, а съ турками бьемся“, а слѣдуетъ:—„Съ убухами—нѣтъ, а съ турками бьемся“; на 414 стр. 9—10 стр. снизу: „во время поворота. (дальше съ красной строки) Пароходъ сталъ на мель“,—слѣдуетъ: „во время поворота, пароходъ сталъ на мель (безъ красной строки).“